

DA RESTITUIRE FIRMATO UNITAMENTE ALLE BOZZE CORRETTE

Gentile Autore,
abbiamo il piacere di inviarLe le prime bozze del Suo articolo che comparirà nel prossimo fascicolo della rivista
«Russica Romana», 2016

Nella correzione delle bozze (**restituzione entro il 7 marzo 2017**) e per permetterci di procedere alla pubblicazione del Suo articolo La preghiamo di attenersi a quanto segue:

a - limitarsi a correggere i refusi, senza intervenire in alcun modo sul testo originale da Lei consegnatoci: eventuali 'correzioni d'autore' straordinarie (frequenti e rilevanti aggiunte, cancellazioni e sostituzioni) Le saranno addebitate secondo i costi correnti;

b - fare attenzione ai rinvii interni alle note, che vengono rinumerate per pagina;

c - qualora alla fine del Suo articolo manchi l'abstract in inglese, La prego di volermelo inviare;

d - relativamente alle bozze da Lei corrette, può attenersi a quanto Le indicherà la redazione inviandole queste bozze;

e - all'uscita del fascicolo, riceverà il file in pdf dell'estratto del Suo articolo. Questo file pdf, di proprietà della casa editrice al pari dei file pdf relativi ai vari stadi di bozze, è concesso **in forma gratuita** dalla casa editrice a Lei in 'licenza d'uso' esclusivamente e limitatamente a fini concorsuali e personali e **non** potrà essere inserito su siti a accesso libero (ad esempio academia.edu, ecc.), anche in quanto coperto da Copyright della casa editrice.

Qualora desiderasse invece porre il Suo articolo in rete con accesso libero, utilizzando il pdf dell'estratto del Suo articolo, con la presente accettazione Lei autorizza la Casa editrice a fatturarLe quanto previsto in <http://www.libraweb.net/openaccess.php> in ottemperanza al Copyright e alla politica relativa all'Open Access della Casa editrice, impegnandosi Lei fin da ora al relativo immediato pagamento. In tal caso, Lei si impegna anche a dare pronta informazione alla Casa editrice dell'avvenuta pubblicazione del Suo articolo in rete con accesso libero.

Per permetterci di procedere alla pubblicazione del Suo articolo, è necessario che Lei ci confermi la Sua accettazione per tutto quanto sopra facendoci pervenire questo nostro modulo da Lei completato e sottoscritto unitamente alla restituzione delle bozze corrette al seguente indirizzo email:

rita.gianfelice@libraweb.net

ACCETTO DI UTILIZZARE 'IN LICENZA D'USO' IL FILE IN PDF DEL MIO ARTICOLO

.....
ESCLUSIVAMENTE E LIMITATAMENTE A FINI CONCORSUALI E PERSONALI, ESSENDO QUESTO FILE PDF DI PROPRIETÀ DELLA CASA EDITRICE E COPERTO DA COPYRIGHT, SECONDO TUTTO QUANTO SOPRA SPECIFICATO.

PRENDO ALTRESÌ ATTO E ACCETTO CHE EVENTUALI MIE 'CORREZIONI D'AUTORE' APPORTATE SULLE BOZZE RISPETTO AL MIO TESTO ORIGINALE SARANNO DA ME PAGATE DIETRO PRESENTAZIONE DELLA RELATIVA FATTURA DELLA CASA EDITRICE.

Firma per accettazione e data

.....
Ulteriori delucidazioni relative al Copyright e alla politica relativa all'Open Access della casa editrice sono consultabili a questo indirizzo: <http://www.libraweb.net/openaccess.php>.

Ringraziando della collaborazione, Le inviamo i più cordiali saluti.

Rita Gianfelice

ПРАГМАФИЛОЛОГИЯ, БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ И ЕЩЕ ОДНО ТОЛКОВАНИЕ ГРАМОТЫ НГБ 19

ДИТЕР ШТЕРН

КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Новгородские берестяные грамоты с течением времени приобрели общую репутацию неоченимого источника по истории повседневности русского средневековья. Иногда их даже трактуют, как средство, позволяющее нам непосредственно наблюдать тогдашнюю жизнь на улицах и в домах средневековых русских городов. Однако тот, кто более обстоятельно углубится в чтение и толкование берестяных грамот, непременно осознает, что они часто больше задают вопросов, чем отвечают на них. Берестяные грамоты нелегко поддаются расшифровке их содержания. Но что именно делает толкование берестяных грамот таким нелёгким предприятием, как кажется, намного, сложнее толкования содержания обычных текстов, которые мы находим в рукописях? Можно задаться вопросом, является ли текст на берестяной грамоте в том же смысле текстом, как например, тексты житий святых? Это не просто вопрос о жанре текстов, а скорее вопрос о специфическом укладывании текстов в более широкий контекст коммуникативных практик. Жития святых или поучения святых отцов написаны с намерением быть прочитанными и понятыми неопределенным числом незнакомых людей. Адресат жития святого является неспецифицированным и анонимным количеством людей, круг их адресатов – открыт. С берестяными грамотами дело, конечно, обстоит совершенно по-другому. Подобно современному письму, они адресованы определенной особе, знакомой писавшему сообщению. Невозможно представить себе более закрытый круг адресатов. Из этого вытекают очевидные последствия для объема и специфичности так называемого общего фонового знания (термин Гиппиуса 2004).¹ Автор жития пишет для читателей, от которых он не может ожидать, что им знакомы интимные детали жизни святого, приобретаемые путем личного знакомства с ним. Автор не может предполагать у читателя какие бы то ни было знания, кроме широчайшего фона общих знаний, определяющего социокультурную группу, для которой предназначено житие. Вытекающая из этого связность и самостоятельность текста делают его легко толкуемым для последующих поколений, даже века спустя для нынешних

¹ В том же значении употребляется *common ground* у Герберта Кларка (CLARKE 1996).

филологов. Авторы берестяных грамот, однако, пишут исключительно о делах, которые адресату в общих чертах уже известны. Общий фон знаний пишущего и читающего – почти идентичен (Гиппиус 2004: 184). Задача грамоты состоит лишь в полной гармонизации общих знаний с целью координации совместных усилий. В то время как житие святого пытается дать полный отчет о всех обстоятельствах и событиях, берестяная грамота ограничивается сообщением самых нужных фрагментов неопisanного хода событий. В отличие от жития святого, берестяные грамоты различают сопричастных и посторонних лиц, а для последних за каждой берестяной грамотой скрывается свой рассказ, реконструкция которого – неперемное условие его полного и целостного понимания. Сообщаемое в берестяной грамоте, таким образом, составляет обособленную единицу в ходу события, вне которого само сообщаемое не имеет никакого смысла. Берестяная грамота вне своего подлинного контекста взаимодействия является по существу коммуникативным фрагментом.

В отличие от собственно книжных произведений, тексты берестяных грамот представляют собой части коммуникативных актов в контексте полного интерактивного происшествия. Правда, в рамках т. н. новой филологии (*new philology*) и книжные тексты рассматривают как коммуникативные акты (FLEISCHMANN 1990: 37), которые нуждаются в реконтекстуализации для полного, понимающего восприятия со стороны исследователей, и, конечно нельзя не согласиться с этой точкой зрения. Но в отличие от берестяных грамот, коммуникативный контекст книжных текстов воплощается на другом, более абстрактном уровне культурной общины и преобладающих в ней дискурсов, определяющих временное состояние данной культурной системы. Книжный текст, конечно, читается, как и берестяная грамота, индивидуумом, но сам текст не составлен специально только для одного контекста одного только специфического индивидуума. Книжные тексты существуют и на конкретном, и на абстрактном уровне текстуальности, в то время как тексты берестяных грамот представляют собой чисто конкретные, чуть ли не материальные явления. Они физически ограничены временем и местом написания, почти так же, как и устные высказывания. Они соответственно носят характер диалогический и выказывают сходство с речевыми актами в понимании Д. Л. Остина (AUSTIN 1962). Это отражается и в способе сообщения. Книжные произведения сами в себе создают контекст интерпретации, не прибегая к какому бы то ни было контексту специфического общего знания вне себя. Для этого необходим высокий уровень референциальности. Главная ответственность за удачную расшифровку сообщаемого лежит на авторе. Берестяные грамоты, однако, могут пользоваться сокращенным, ассоциативным стилем коммуникации, пренебрегая референциальной и прагматической определенностью, потому что известный адресату контекст помогает контролю и исправлению толкования. Главная ответственность за удачную расшифровку сообщаемого здесь может перехо-

дить на адресата. Исходной точкой толкования сообщаемого адресатом является ситуация, т. е. более широкие рамки события, часть которого составляет сообщаемое, а не сам текст по себе (Гиппиус 2004: 191).

Открытость/закрытость круга адресатов имеет непосредственные следствия и для воспроизводимости текста. Тексты с открытым кругом адресатов, написанные, так сказать, для вечности, предназначены для принципиально безграничного распространения и размножения, в то время как берестяные грамоты явно не предусмотрены для тиражирования. Их валидность оканчивается с окончанием данной интеракции. Поэтому мы находим их в земле при раскопках, а не в библиотеках. Йос Схакен (Схакен 2012: 31) говорит о письменности одноразового пользования (*throw-away literacy*). Понятность сообщаемого для посторонних лиц в берестяных грамотах не была предусмотрена, а в единичных случаях, кажется, даже нежелательна. О старании замести следы интеракции свидетельствуют единичные грамоты, которые, как доказано, нарочно разрезаны или у которых специально отрезана адресная строка (Схакен 2012: 30).

Именно в этой специфической характеристике берестяных грамот заключается главное требование по адресу берестологов. Эта основная проблематика толкования берестяных грамот коротко и метко была сформулирована Эдвардом Мюле (Мюле 1994: 78): «The matter they [т. е. берестяные грамоты] communicate with an almost telegraphic brevity is, as a rule, taken out of its original context and thus to a high degree inaccessible to posterity. The temptation, therefore, to supplement the missing elements by conjecture and overinterpret the texts is great».¹

В следующей таблице приводятся главные принципиальные различия между книжными текстами и текстами, составляющими типичное содержание берестяных грамот:

ТЕКСТ	КНИЖНЫЙ	ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
Круг адресатов	Открытый	Закрытый
Общий фон знаний	публичный определяется на уровне общей культуры	частный определяется на уровне индивидуума
Воспроизводимость	предусмотрена	не предусмотрена
Контекст	Независимы	зависимы
Управление	картиной мира	конкретным действием
Информация	внеконтекстуальная	контекстуальная
Отсылочная рамка	Внутренняя	внешняя
Ответственность в расшифровку	на авторе	на адресате

¹ Ср. также Гиппиус (2004: 183).

СПОСОБЫ ВСКРЫТИЯ ТЕКСТА: ПЕРЕВОД ИЛИ ПЕРЕСКАЗ?

Ввиду вышеизложенного, перевод с лингвистическим комментарием, как преимущественный до сих пор способ трактовки берестяных грамот, представляется сомнительным подходом к их интерпретации. Однако он остается пока незаменимым как первое приближение к предмету, хотя бы только для того, чтобы показать границы синтаксического и словарного анализа и комментирования. Но при толковании берестяных грамот нельзя останавливаться на комментированном переводе. Для полного понимания текста берестяной грамоты надо раскрыть целостное действие, в рамках которого берестяная грамота выполнила свою задачу. Нужен полный пересказ всего того, что привело к написанию грамоты, и того, чему она способствовала. Сам текст грамоты предоставляет для этого косвенные свидетельства, которые в идеальном случае должны оказаться достаточными для полной реконструкции интерактивного фона сообщаемого. Следовательно, берестяную грамоту можно считать истолкованной и во всех деталях, включая и грамматические, полностью разъясненной, только если все части сообщаемого складываются в целостный гипотетический пересказ произошедшего. Эту очевидную проблематику толкования берестяных грамот берестологи чувствовали, наверное, уже давно, но только недавно началось обсуждение проблем, вытекающих из принципиально интерактивного, прагматического характера сообщений на бересте. Пока перевод с комментарием остается предпочтительным способом их интерпретативной трактовки. Первым, кто заменил дословные переводы письменного текста свободным пересказом событий за текстом, был историк Лев Владимирович Черепнин, который в своей книге *Новгородские берестяные грамоты как исторический источник* (1969) пересказывает бесчисленные грамоты, к сожалению, не обратив особенного внимания на филологические детали. Совершенно пренебрегая дословным текстом грамот, он создавал перед глазами читателя картину феодального средневекового общества в соответствии с общепринятыми тогда представлениями о древнерусской действительности.

Так в берестологии возникла лакуна между формальным переводом и свободным пересказом. Это место должен занять подробный отчет о реконструкции внетекстовых событий, который, исходя из дословного текста как единственного доказательства, имеющегося в нашем распоряжении, должен учитывать для анализа не только грамматические и лексические признаки, но трактовать текст сверх того как речевой акт, вскрывая его прагматические качества. Разбор иллокутивной и перлокутивной силы и направленности каждого высказывания является, как кажется, необходимым первым шагом для реконтекстуализации любой грамоты. Скорее интуитивно подобный анализ был уже однажды про-

делан на основе грамоты НГБ 531 Александром Люботским и Виллемом Вермеером (LUBOTSKY/VERMEER 1998). Подобным образом и Себастиан Кемпген поступил к анализу НГБ 43 и 49, говоря о надобности раскрывать и развертывать подходящий к каждой грамоте сценарий (КЕМПГЕН 2006: 284). Даниель Коллинс в свою очередь продемонстрировал на материале древнерусских актов, как так называемые им «резидуальные формы», т. е. своего рода стандартные прагматические формулы, способствуют разрешению проблемы недостатка данных¹ (COLLINS 2001). Следуя за ним, некоторые берестологи принялись за прагмафилологическую переоценку ряда неудовлетворительно толкуемых до сих пор берестяных грамот (ГИППИУС 2004, GIRRIUS & SCHAEKEN 2011, SCHAEKEN 2011, включая и самого COLLINS 2011). Прагмафилология исходит из предположения, что основные компоненты знания о ходе событий, а именно действующие лица и их роли в происшедшем, но также их намерения сохранились в прагматической структуре сообщения. Контекст, часть которого составляла иногда грамота, таким образом, не исчез бесследно, а оставил своего рода отпечаток пальца в самом тексте сообщения. Это звучит многообещающе, но методологию эту нельзя принять без оговорок. Во-первых, прагмафилология все еще не созрела до полноценного набора аналитических приемов. Так, исследования Коллинса ограничиваются конструкциями с чужой речью (COLLINS 2001), в то время как Гиппиус (2004) сосредотачивается на том, что он называет коммуникативной ситуацией, т. е. на ролях основных действующих лиц и их возможных комбинациях.² Как видим, в прагмафилологическую парадигму берестологии еще не включен основной предмет прагматики, а именно исследование речевых актов.

Настоящая работа представляет собой первую попытку применения подобного анализа к берестяным грамотам, – точнее говоря, к одной особенно стропливой берестяной грамоте. Но даже если полная программа берестологической прагмафилологии когда-либо реализуется, останется принципиальная оговорка, что все результаты прагмафилологического исследования будут обязательно основываться на как бы ни хорошо обоснованных, но все-таки спекулятивных гипотезах. Эта проблема уже проступает в недавних попытках прагмафилологической переоценки единичных грамот. Так например, в случае переоценки грамоты Тверь 5 (GIRRIUS & SCHAEKEN 2011) есть основания не оставлять прежнюю интерпретацию целиком в пользу нового, прагмафилологического перетолкования. Таким образом, прагмафилология, кажется, иногда ведет к размножению существующих толкований вместо разъяснения их тем-

¹ Якобс и Юккер (JACOBS/JUCKER 1995) определяют отсутствие контекстуальных указаний для убедительного историческо-прагматического анализа текста как *data problem*.

² Гиппиус (2004: 185) отмечает шесть коммуникативных ролей: (1) отправитель сообщения, (2) составитель текста, (3) пишущий, (4) посылный, (5) читающий, (6) адресат.

ных мест. Прагмафилология, как и филология в общем, главным образом основывается на хорошей интуиции и богатом опыте интерпретаторов-филологов. Способность «переноситься в среду, где возникали, переписывались и читались тексты» («to transport oneself, as it were, into the very milieu in which [the texts] were produced, reproduced and read»), как сформулировал это Хенрик Бирнбаум (BIRNBAUM 1985: 171-172), на самом деле останется преимущественно личным качеством, зиждущимся на широкой начитанности исследователя.

НГБ 19 – СТРОПТИВАЯ ГРАМОТА И ЕЕ ВОЗМОЖНОЕ УКРОЩЕНИЕ ПУТЕМ ПРАГМАФИЛОЛОГИИ

Несмотря на неоднократные попытки толкования этой грамоты со стороны ряда самих крупных ученых, НГБ 19 до сих пор не подчинилась полному истолкованию. Далее мы обсудим проблемы существующих переводов этой грамоты вместе с ее пересказом Черепниным с целью продемонстрировать не только детально проблемы интерпретации именно этой трудной грамоты, но и одновременно показать принципиальные недостатки преимущественно филологического подхода с его чисто лексико-грамматическим уровнем анализа. Надеюсь внести и свой вклад в историю расшифровки НГБ 19, тем способом самым добавляя к ряду толкований еще одно. Притом новое толкование, кстати, не слишком отличающееся от некоторых из прежних, послужит в первую очередь предметом демонстрации полезности применения теории речевых актов при сравнении и оценке конкурирующих толкований берестяных грамот.

НГБ 19 датируется стратиграфически 1420-ыми годами. Что касается словарного состава грамоты, в ней нет проблемных единиц, как гапаксы и т. п. Также и на синтаксическом уровне в грамоте не обнаруживается особенных трудностей. Только гидроним Водла и одно ошибочное чтение со стороны первого публикатора грамоты в начале оказывались препятствием для языковой, т. е. лексико-грамматической расшифровки текста. Конечно, нельзя забывать, что грамота представляет собой только фрагмент сообщения. Начало и конец отсутствуют, но относительно объемный остаток кажется достаточным, чтобы достичь по крайней мере приблизительного представления о деле, о котором идет речь во фрагменте. Воспроизводим текст грамоты по Зализняку (2004²: 644) добавляя прежние чтения в скобках, и добавляя последние поправки по Янин, Зализняк, Гишпиус (2015: 197-198) курсивом:

НБГ 19

да цо бѣ ти година Ѡтъправить Ѡтъцу ино бѣ добро да только буде которому [1954: сытарому] мѣсель до водѣль [1954: доводъ ле] ино надо бы дворанине а при-
ставе ино *здѣсе* филисть ехать хоце а судьно есть у мене а хлѣбѣ сухѣи су и тѣ са-
ме Ѡпразновавъ да поедѣ сѣмъ а хлѣбе здѣсе в

Первоиздатель Арциховский, который, впрочем достаточно сдержанно применял перевод как метод пояснения текстов берестяных грамот, считал НГБ 19, как кажется, по крайней мере в какой-то степени переводимой:

НГБ 19 – Перевод Арциховского:

... да срок, чтоб тебе отправить отцу, это бы хорошо. Да только едва ли будет старому выгода-добыча. Но нужен бы дворянин. А пристав то здесь. Филист ехать хочет, а судно есть у меня. А хлеб сухой дает, чтобы самому после праздника ехать сюда (а сам, отпраздновав, должен ехать сюда. А хлеб здесь в ... (Арциховский 1954: 20)

Арциховский толкует *мъсельдоводль* как гендиадисное словосложение со значением 'выгода-добыча', отождествляя *мъсель* как шокающий вариант древнерусского слова *мъшелъ* 'корысть', связанный асиндетически со словом *доводъ*, лексическое значение которого Арциховский определяет на основе параллельного места в Псковской летописи (ПСРЛ 4: 257) как 'добыча'. В своей рецензии на первый том НГБ Дмитрий Лихачев предлагал конкурирующий перевод, в котором мнимое словосложение читается как *мысль до Водль*, что с предыдущим дательным падежом *сътарому* сочетается в безличную конструкцию *кому мысль до чего* со значением 'хочется кому'. *Водль* здесь воспринимается впервые как топоним Водла. Остальные изменения, а именно *ино здъ София и с ты ехать хоче* вместо *ино здъсо филистъ ехать хоче* и расчленение сегмента *ахльбъсхънисуитъ* как *а хльбъ Сухъи су[л]итъ* вместо *а хльбъ сухъи су И тъ*, причем прилагательное *сухой* преобразуется в собственное имя Исихий, в дальнейшем не удержались. Изменения также дают поразительное свидетельство о степени произвольности интерпретационного процесса. Ниже воспроизводится полный текст второго перевода, который, кстати, сделан не самым Лихачевым, а В. М. Глуховым. Отличия от перевода Арциховского отмечены курсивом:

Если бы тебе выдалось благоприятное время отправить отцу, то было бы хорошо. Но если появится у старого *намерение (плыть) до Водлы*, то нужен бы дворянин, а пристав здесь есть. *София с тобой ехать* хочет. А судно есть у меня. А хлеб *Сухей сулит*. *Сам, отпраздновав, поезжай сюда*, а хлеба здесь (*возьмешь*). (Лихачев 1957: 327)

Лихачев (1957: 328) признает, что и второй перевод оставляет много вопросов без ответа, и хотя дело, о котором идет речь в грамоте, все еще остается не особенно ясным, он считает, что второй перевод является по крайней мере более вразумительным, чем первый. Лидия Жуковская, перед которой стояла задача в первый раз подвести итоги еще молодой берестологии в краткой монографии, выступила в качестве арбитра, сочетая части обоих перевода, кажущиеся ей наиболее убедительными:

да чтоб тебе своевременно отправить отцу, это бы хорошо. Да только будет ли старому смысл (до Водлы)? Пожалуй, надо бы дворянина, а пристав один здесь,

Филист, ехать хочет. Судно есть у меня. Хлеб сухой. Сам, отпраздновав, поезжай сюда. А здесь хлеб в... (Жуковская 1959: 94)

Коллаж Жуковской показывает, что даже до раскрытия ошибочного чтения *сътарому* существовали различные возможности для разнородных интерпретаций компонентов текста и их свободного перерасположения по произволу редактора. Идет ли речь о планах ехать в местность с названием Водла, или о выгоде и добыче для старика (причем остается неясным, идентичен ли он отцу в первой строке или нет?), или идет ли речь о сухих хлебах или об Исихии, который обещал хлеб, все кажется безразличным и неважным, потому что берестяная грамота, как кажется, и без того оказывается неразборчивым скоплением слов и предложений. Почему было бы хорошо послать вещь, кстати неопределенную, к отцу, и каково отношение этой вещи к отцовским планам ехать в Водлу, для чего нужны дворянин и пристав, кто такой Филист, является ли он этим приставом, кому именно нужны лодка и сухие хлебы, или речь идет все же об Исихии? В конце концов ясно только то, что адресат приглашается приехать в нужное место, как только он окончит празднование (какое?), которое его задержит. Как это, однако, связывается с остальным, остается загадкой. Здесь проявляются ограничения чисто лексико-грамматического анализа, конечным продуктом которого является филологически точный перевод. Каждый компонент текста более или менее легко поддается анализу, дающему в итоге перевод, но совокупность всех компонентов не сочетается в понятное целое, и кажется даже, что ранние редакторы Арциховский, Лихачев/Глухов и Жуковская мало тревожились об этом серьезном недостатке.

Черепнину (1969: 334-337) принадлежит заслуга первой попытки осветить контекст, на фоне которого была написана НГБ 19. Он не довольствовался дословным переводом грамоты, но применил прием пересказа за возможного контекста. К сожалению, его никак не беспокоили филологические детали. Путем свободной умозрительной импровизации над темой НГБ 19 он развернул перед глазами зрителя гипотетический сценарий, который трудно соотнести с дословным текстом грамоты. Далее мы делаем попытку восстановить соотношение более компактных смысловых блоков сообщения со свободным пересказом Черепнина. Первый блок, который мы сумели выделить из пересказа, соответствует следующим трем синтаксическим единицам текста:

- (1) да цо бѣ ти година ѿтъправити ѿтъцу
- (2) ино бѣ добро
- (3) да только буде сътарому мѣсель доводъ лѣ

В истолковании Черепнина отправитель в этой части напоминает адресату о том, что срок судебного процесса против их отца приближается. Семантически неспецифическому существительному *година*, что в принципе только означает неопределенный срок, предпочтительно в

рамках годового цикла, Черепнин придает более конкретное значение присутственного дня в суде. Таким образом, он заранее и без дальнейших разъяснений устанавливает общий фон действия как судебное дело. Такой шаг до определенной степени оправдан упоминанием дворянина и пристава, но все-таки семантическая спецификация слова *година* в данном контексте не является необходимой. Не подлежит сомнению, однако, что без точного установления конкретной области применения слова *година* осмысленное толкование грамоты является невозможным. Конкретно ссылаясь на начальные слова фрагмента, Черепнин пишет: «Хорошо бы... если бы сын [т. е. адресат – D. S.] отправил своему отцу что-то нужное (надо думать – что-то нужное для ведения дел)». Кажется, что Черепнин здесь намекает на части мнимого словосложения *мъсль-дводъ*, которые, исходя из представления о судебном деле, он переводит как юридические термины, а именно ‘умысел’ и ‘улика’. Он предполагает, что здесь речь должна идти о документах, служащих снятию вины с обвиняемого. Поскольку Черепнин решил, что в грамоте речь идет о судебном деле, интерпретация мнимого словосложения Глуховым как топоним *до Водъль* им была отброшена как менее подходящая. Непосредственно, следующий кусочек (4) Черепнин толкует как распоряжение о том, что данные документы должны быть вручены дорянином:

(4) ино надо бы дворянине

Конечно, в самой грамоте о точной функции и ответственности дворянина ни слова не сказано. Ответственность пристава Филиста состоит по Черепнину в том, чтобы все дело проведено по порядку. Это скорее общий профиль действия пристава. В грамоте и об этом ни слова не сказано:

(5) а приставе (6) ино здѣсѣ филисть ехать хоце

Последняя часть пересказа Черепнина состоит из распоряжений для адресата, как ему поступать в ситуации, описанной отправителем:

(7) а судьно юсть у мене (8) а хлѣбѣ сухѣи су (9) и тѣ саме ѿпразновавъ (10) да поядѣ сѣмь (11) а хлѣбе здѣсе...

Отправитель предлагает адресату самому отправиться к судебному месту, когда ему угодно (т. е. по совершении празднования). Ему будет предоставлена для этого лодка отправителя и хлебные запасы. Черепниным создается последовательный рассказ, в котором можно даже узнать элементы прагматической структуры. Гипотетический рассказ начинается с описания актуальной ситуации в функции подготовки распоряжений отправителя по адресу получателя. К сожалению, пересказ или скорее свободное изложение только косвенно и неточно отражает сам текст грамоты. В нем не учитывались синтаксические и лексические детали общенного, а также пренебрегались формальные прагматические при-

знаки отдельных частей. Во всяком случае, толкование Черепнина превосходит прежние переводы тем, что идентифицируется намерение, с которым была написана грамота. Таким образом, Черепнин сделал первый шаг в направлении прагмафилологического анализа берестяных грамот, для которого в центре внимания должен стоять специфический повод для написания каждой грамоты. Прагматическим ядром грамоты является распоряжение и соответственные инструкции по адресу получателя, будущими действиями которого управляет грамота. В этом заключается смысл и задача грамоты, и не только данной, но вообще едва ли не всех берестяных грамот. Все остальные без исключения компоненты сообщаемого должны выполнять вспомогательные функции относительно основной задачи каждой грамоты. А именно в этом отношении в пересказе Черепнина проявляется другой недостаток. Неясно, для чего адресату нужно знать, что нужны и дворянин и пристав? Каким способом могут эти знания повлиять на желаемый поступок адресата? Оказывается, что пересказ не сумел интегрировать все компоненты текста в одну целостную мотивационную структуру.

Подхватывая подход Черепнина к тексту НГБ 19, Валентин Янин принял за комплексное толкование, которое однако, в отличие от Черепнина, учитывает все данные буквального текста. Сверх того, ему удалось идентифицировать отправителя и адресата на основе Бурова (1979). Для самого толкования, однако, поименная идентификация отправителя и адресата как братьев Есифа и Фомы является нерелевантной, потому что дальнейших сведений о них не имеется. Янин также впервые обратил внимание на несвязность текста, заключая, что во фрагменте сообщено о трех различных делах, не имеющих никакого отношения друг к другу. Он разделяет текст соответственно на три блока. Первый из них состоит из первых двух синтаксических единиц текста:

(1) да цо бѣ ти година ѿтъправить ѿтъцу (2) ино бѣ добро

О чем именно в этом фрагментарном кусочке идет речь, сказать нельзя. По Янину, бесспорным является только то, что было бы хорошо послать какую-то вещь отцу. Слово *година* притом интерпретируется как наречие со значением 'своевременно'. Синтаксическая функция именительного падежа *година* останется неясной. О втором деле сообщается в блоке, занимающем большую часть грамоты:

- (3) да только буде которому мѣсель до водѣлѣ
- (4) ино надо бы дворянине
- (5) а приставе
- (6) ино здѣсѣ филисть ехать хоце
- (7) а судьно есть у мене
- (8) а хлѣбѣ сухѣи су
- (9) и тѣ саме ѿпразновавѣ
- (10) да поедѣ сѣмѣ

Янин определяет дело, о котором сообщено в этом блоке, как судебное дело. Он предлагает парафразировать текст следующим образом: если кто бы то ни было поднимет дело в Водле, нам нужен еще дворянин. Пристав уже есть, это Филист возьмет на себя. Есиф сообщает Фоме также, что перевоз в Водлу уже улажен. Янин исходит из того, что Есиф и Фома собираются вместе поехать в Водлу. Место пребывания Есифа лежит, по предположению Янина, между местом пребывания Фомы и Водлой, так что Фоме придется сначала ехать к Есифу, чтобы потом вместе с ним продолжать путь в Водлу. Кажется, что добраться до Водлы можно только водным путем. Сухие хлебы, по Янину, предназначены для пристава. Возможность предназначения хлебов как провианта Яниным исключается без дальнейших объяснений. Есиф предлагает Фоме приехать, как только он сможет освободиться от своих обязанностей. Янин считает, что слово *отпраздновати* не обязательно предполагает какое бы то ни было празднование или праздник. Третий, коротенький кусочек уже сообщает о третьем, совершенно другом деле:

(11) а хлѣбе здѣсе ...

О чем именно идет речь в этом крохотном фрагменте, кроме хлеба, конечно, никак не узнать. Очевидно, что этот кусочек был отделен от предыдущего, потому что оказалось невозможным поместить его в рассказ, предложенный Яниным. Разбивку текста на три независимых друг от друга блока можно оценить как своего рода тактический маневр, позволяющий избавиться от частей сообщения, мешающих восстановлению связного рассказа. Следует также указать на то, что Янин является первым после Арциховского, кто подверг НГБ 19 личному осмотру, причем ему удалось установить исправное чтение *которого* вместо ошибочного чтения *сътарому*.

История толкования НГБ 19 нашла свое предварительное завершение в переводе, опубликованном в образцовой монографии Зализняка (2004²). Зализняк скопировал, добавляя также от себя, из всех прежних переводов, толкований и комментариев своего рода стандартный перевод как общую сумму всех стараний понять текст строптивной грамоты. Этот перевод представляет собой уже значительное продвижение вперед в плане понимания внутренней мотивационной структуры грамоты, но все-таки его нельзя считать окончательным и всеобъясняющим. Собственный вклад Зализняка отмечен курсивом:

... Да чтоб тебе справить годовое поминание по отцу, то было бы хорошо. Да если будет у кого-нибудь намерение [ехать] до Водлы, то надо бы дворянина, а [что касается] пристава, то здесь хочет ехать Филист. А судно у меня есть и хлебы сухие есть, и ты сам, помянув, поезжай сюда. А хлеб здесь...? (Зализняк 2004²: 644)

Присоединение обратно к тексту части, отделенной Яниным, удастся Зализняку путем перетолкования слова *година* как прямого дополнения глагола *ѡтъправити*, придавая существительному значение 'годовая панихида, годовое поминание'. Итак, имеем дело с дебитативной конструкцией с неканоническим подлежащим, типа *вода пить* (Тимберлаке 1974). Другая синтаксически удовлетворительная интерпретация кажется, на самом деле, невозможной, но это также значит, что дебитативная модальность должна присутствовать и в переводе, чего, очевидно, в переводе Зализняка нет. По Зализняку, адресат сообщения, возможно, в предыдущем сообщении, объявил намерение справить годовое поминание по отцу на месте погребения. Хотя таким способом установлена убедительная связь первой части сообщения с единицей (9) *и тѣ саме ѡтразновавъ*, переход от одобрения намерения Фомы Есифом к непосредственно следующим заметкам Есифа о деле во Водле остается все еще резким и лишенным логической последовательности.

Хотя перевод Зализняка нельзя считать окончательной разгадкой загадочной грамоты, со времени опубликования он не подвергался дальнейшим попыткам разъяснить оставшиеся вопросы и предложить связный перевод вместе с пересказом, который относит друг к другу все компоненты текста логически удовлетворительным способом.¹ Нам, однако, кажется, что все еще можно продвинуться по делу НГБ 19. Предлагаем несколько измененный вариант перевода Зализняка, снабжая его прагматическими комментариями с целью продемонстрировать для каждой единицы текста точную прагматическую функцию в мотивационной структуре текста. Первым нужным шагом нашей попытки перетолкования является перегруппировка всех синтаксических единиц на фразовом уровне в предложения. Дальнейший анализ текста, соответственно, продвигается уже по заново установленным предложениям, определяя для каждого предложения место в прагматической структуре текста:

(1) Да цо бѣ ти година ѡтъправити ѡтъцу, (2) ино бѣ добро, (3) да только буде которому мѣсель до водльѣ.

'Насчет того, что тебе надо справить годовое поминание по отцу, было бы хорошо, если кому-нибудь (вместо тебя) хотелось бы поехать в Водлу'.

Наш перевод отличается от перевода Зализняка прежде всего тем, что мы пробуем первой синтаксической фразой организовать дебитативность в синтаксически связную и вдобавок и осмысленную, т. е. прагматически интерпретируемую целость. Начальное *да цо бѣ* притом нельзя понимать как современное *да чтобы*. Скорее всего, мы имеем дело с то-

¹ Судя по недавнему 12-му выпуску НГБ (Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 197-198), в последние годы никто не предлагал нового толкования грамоты № 19.

пикализирующей конструкцией, известной из других берестяных грамот (ср. комментарии на НГБ 14 и НГБ 311 у Зализняка 2004²). Употребление топикилизации значит, что здесь начинается сообщение о новом предмете, так что предыдущая, потерянная часть сообщения для понимания сохраняемой части на самом деле не нужна. Перед нами текст полного, нефрагментированного сообщения.¹

Топикализация эта также предполагает ситуацию, в которой все причастные лица исходили из того, что Фома собирался поехать по судебному делу в Водлу. Можно предполагать, что срок суда был, к несчастью, назначен так, что совпал с годовым поминанием. Таким образом, расстроились существующие планы, так что Фома был вынужден их изменить. Фома, который, возможно, и без того находился по другим делам недалеко от места погребения, решил остаться там, чтобы справить годовое поминание, и написал об этом, наверное, Есифу. Предполагаемое сообщение Фомы воспринимается Есифом как обязательство приняться за изменение прежнего плана. Есиф предлагает в первом сохранившемся предложении грамоты уже самое простое разрешение проблемы, а именно, заместить Фому кем-то другим.² Итак, предложение, состоящее из фраз (1)-(3), обращает внимание на данную проблему и представляет ее разрешение. На иллокутивном уровне предложение представляет собой пропозицию. На заднем плане перлокутивного уровня пропозиция Есифа должна преотвратить то, что Фома пересмотрит свое решение справить поминание, чтобы не пропустить судебный срок.

Следующие за определением предмета сообщения и пропозицией части должны специфицировать детали предложенного альтернативного решения, чтобы убедить адресата в осуществимости пропозиции. Отправитель не обязательно должен показать, что у него есть готовые решения для всего, но скорее, что он обдумывает всевозможные вопросы в связи с осуществлением альтернативы и что может наметить возможные решения. Таким образом, отправитель дает понять, что взял на себя

¹ Буров (1979: 223) намекает на возможность воспринимать НГБ 122 как часть подлинного сообщения, которая непосредственно предшествовала той части, которую находим на НГБ 19. Притом надо указать на то, что текст 122 вполне можно читать и воспринимать как полный и самостоятельный текст, но сочетание с текстом НГБ 19 также дает, по Бурову, связный и осмысленный текст. Конец НГБ 122 *а тѣ то помѣни* || и начало НГБ 19 *да цо бѣ ти година ѿправить Отѣцу* соединяются тогда в своего рода настоятельное увещание. Но условное наклонение будто бы придаточного предложения на НГБ 19 не поддерживает такую интерпретацию. Кроме того видно, что писец НГБ 122 старался поместить последнее слово (*помѣни*) на листе, изменяя при написании слова направление вверх. Если писец и без того собирался заполнить еще листочек бересты, такой прием оказался бы совершенно ненужным. По нашему мнению, НГБ 122 нельзя поэтому интерпретировать как предыдущую часть НГБ 19.

² В древнерусской судебной практике непосредственно причастные лица (истцы, подсудимые) не были обязаны являться в суд лично. Им предоставлена была возможность послать заместителей (RSA 341 *sub sud*).

полную ответственность за дело. После того, как отправитель в (1)-(3) обращается к самому очевидному вопросу о замене адресата перед судом, во фразе (4) он уже берется за дополнительные проблемы подготовки судебного дела:

- (4) ино надо бы дворянине
'И (еще) надо было бы дворянин.'

Здесь Есиф дает своему брату Фоме знать, что, хотя у него пока нет подходящего кандидата, который хотел бы взять на себя нужную функцию, выполняемую по судебным правилам дорянином, он осознает необходимость привлечения дворянина и рассматривает этот вопрос. Упомянув о необходимости привлечения дворянина, Есиф демонстрирует Фоме, что компетентно возьмется за дело осуществления альтернативы. На поверхностном уровне иллокуции эта и следующие фразы похожи на простые констатации фактов и необходимостей, но на перлокутивном плане имеем дело с агитационной работой с целью убедить Фому, что дело у его брата в надежных руках:

- (5) а пристава (6) ино здѣсѣ филисть ехать хоце
'А что касается пристава, то здесь Филист хочет ехать.'

Предложением, состоящим из фраз (5) и (6), Есиф показывает, что уже принял меры и решил одну из предстоящих задач, назначая Филиста в качестве пристава. В то время как фразы (1)-(4) еще позволяли сомнения со стороны Фомы насчет осуществимости альтернативы, настоящим предложением далее укрепляется основа доверия.

- (7) а судьно ѣсть у мене
'Лодка (на котором Филисту и дворянину и всем остальным предстоит поехать во Водлу) есть у меня.'

Фраза (7) продолжает «агитационную работу». Есиф показывает, что уже позаботился о транспорте, и даже провиант обеспечен, как сообщено во фразе (8):

- (8) а хлѣбѣ сухѣи су
'Сухие хлебы есть (в количестве, достаточном на рейс).'

Жуковская (1959: 96), однако, была мнения, что речь здесь идет не о печеных хлебах как провианте, но о необработанном хлебе в качестве товара. Ее предположение, однако, не соответствует грамматическим данным, особенно форме 3-го лица мн. числа су, которая заставляет узнать форму множественного числа и в подлежащем *хлѣбѣ сухѣи* (ср. Зализняк 1986: 183). Группа фраз (4)-(8) комбинирует в иллокутивном плане предложения и констатации, но в перлокутивном плане все высказывания служат одной цели, а именно убедить Фому держаться предложенного плана и не передумать. Точное изложение планирования альтер-

нативы служит успокоению Фомы, уверяя его, что и без него все находится под контролем. То, что Есиф не допускает Фому к подготовке судебного дела, проявляется и адверзативным присоединением следующей, последней части сообщения словами *тѣ саме* 'а ты сам':

(9) и тѣ саме ѿпразновавъ (10) да поѣдь сѣмь (11) а хлѣбе здѣсе в[ъзъми]...

'а ты сам, как только отпраздновал поминание, иди сюда (т. е. к месту, где во время написания грамоты пребывал Есиф, а не к Водле, куда Фома в сущности должен был бы ехать) и возьми хлебы здесь...'

Третья часть составляет прагматическую ось сообщения. В ней помещено прямое распоряжение адресату, управляющее его последующими поступками. Это распоряжение указывает место грамоты в рамках интеракции и представляет собой собственную причину ее составления. Предыдущие части служат подготовке именно этого распоряжения, которое в иллокутивном плане соответствует прямому приказу. Очевидно, что автор грамоты не мог рассчитывать на авторитетность одного приказа между братьями, чтобы достичь желательного перлокутивного эффекта.

Итоговые заметки

Даже если предложенное в нашей работе повторное перетолкование НГБ 19 не вызовет обоснованных возражений, этим не будет доказано, что именно оно отражает историческую действительность тогдашних событий, которые дали повод к составлению грамоты. Как и все прочие прагмафилологические реконструкции, наша версия истории с грамотой НГБ 19 останется гипотезой, и вполне возможно, что историческая правда, связанная с этой грамотой, выглядела совершенно по-другому. Так например, роли Фомы, дворянина и пристава перед судом не ясны. В зависимости от точной роли или функции участвующих лиц открываются различные сценарии. Является ли Фома истцом или подсудимым? И кто мог быть его заместителем перед судом? В Новгороде приставы перед судом выступали как ходатаи сторон тяжущегося или истца перед судом, и в этой функции могли и заместить сторону, которой были даны судом (RSA 279 *sub pristav*). Может быть, пристав Филист был предусмотрен как заместитель Фомы, но структура сообщения говорит против этого допущения. Текст сообщения трактует проблему замещения Фомы и назначения пристава как явно отдельные вопросы. По другому сценарию, дворянин может быть представлен как заместитель Фомы. В этом случае получается несколько иное отношение между предложениями (1)-(3) и (4). Фраза (4) тогда являлась бы комментарием к предложению о замене, сделанному в этой фразе. Тогда получается, что в ней Есиф предложил, чтобы заместитель был именно дворянином. Так как вынесение приговора зависело не столько от вещественных доказательств, сколько от авторитета выступающих перед судом лиц, (RSA 244 *sub posluch*), при-

надлежность заместителя к дворянскому сословию могла обеспечивать успех перед судом, особенно, когда оказывалось трудно привести убедительные вещественные доказательства. Можно с некоторой долей осторожности предполагать, что Фомино дело было основано на не слишком прочной базе. С другой стороны, однако, дворянам, состоящим из отроков и детских, принадлежали определенные функции перед судом. В грамоте НГБ 19 бросается в глаза, что составление состава суда, по крайней мере частично, находится в руках братьев Есифа и Фомы как стороны тяжущегося или истца. Они занимаются делом, которое, как скорее можно было бы ожидать, находится в руках самого суда. Дело обстоит, однако, иначе со сместным судом, который происходил, когда обе стороны подлежали юрисдикции различных судебных властей (*RSA 345 sub sud, smestnyj*). Место сместного суда определялось местом жительства подсудимого. Организация суда в Водле, т. е. в захолустной местности, говорило бы о том, что мы имеем дело со сместным судом у помещика, как лица, имеющего судебную власть над своими подданными-холопами. В таком случае помещик вместе с заместителем посадника, который имел судебную власть над жителями города Новгорода, председательствовал бы на совместном (*сместном*) суде. Заместители посадника, однако, назначались из рядов именно дворян. Дворянин, о котором говорится во фразе (4) в таком сценарии, очевидно, не мог быть заместителем Фомы. Для него перед судом была бы предусмотрена другая задача. Если мы действительно имеем дело со сместным судом, то подсудимый должен жить в Водле, а следовательно, сам Фома не мог быть подсудимым, а был истцом.

К сожалению, эти вещи уже невозможно обсуждать на базе только грамоты, так что важные аспекты событий, стоящих за грамотой, все еще останутся неразъясненными. Как бы то ни было, преимущество нашего варианта перед прежними переводами и пересказами состоит в том, что в нем при обсуждении текста последовательно учитываются прагматические соображения. Типичная берестяная грамота представляет собой распоряжение по делам.¹ Берестяные грамоты являлись скорее орудием для координирования интеракций, чем средством социального обмена. Их характерной чертой является прагматическая направленность (Зализняк 1987: 180). Они целенаправленны относительно желанного поведения адресата. Из этого следует, что в грамоте должна быть различима

¹ В этом отношении древнерусские берестяные грамоты явно отличаются от современных частных писем. Скорее они сходны с сообщениями типа *wardaq* в сомалийской культуре. Ср. Бибер и Конрад (BIBER / CONRAD 2009: 36): «personal letters in American English are usually written for general interpersonal communication, to maintain a relationship and inform the addressee about recent personal events in the author's life. In contrast, *wardaq* in Somali are usually written, because the writer needs something of the addressee. These differences have important linguistic consequences. *Wardaq* contain many 'directives': statements that tell the addressee what he should do».

по крайней мере одна отчетливая перлокутивная цель, на которую будут направлены все остальные высказывания в ней. Из взаимоотношений прагматической оси и группирующихся вокруг нее всех остальных высказываний вытекает мотивационная структура сообщения как органического целого. Ни одно высказывание в тексте не должно остаться вне этой структуры. Из этого вытекает, что для каждого высказывания надо указать его роль и функцию в перлокутивной и иллокутивной структуре текста. А это значит, что пересказы и переводы берестяных грамот могут считаться удовлетворительными только если все составляющие текст грамоты высказывания будут разъяснены в рамках предполагаемой мотивационной структуры. Толкования берестяных грамот, таким образом, подчинялись бы условию прагматической полноты, от которой зависела бы правильная оценка валидности и достоверности прагмафилологической реконструкции.

ABSTRACT

The article addresses the recent pragmatic turn within berestology, which became known under the name of pragmaphilology, and reviews the common practice of translations with grammatical commentaries as a means to understand Old Russian birch bark documents. Owing to the specific communicative functions and situational embedding of birch bark documents, commented translations prove to be insufficient to properly deal with them. It will be argued that true understanding can only be achieved by means of elaborate hypothetical case reconstructions, which try to illuminate the interactive background for each birch bark document. Recent research by Collins, Gippius and Schaeken proved the usefulness of pragmatic indications in coming to grips with particularly tricky birch bark letters, but there is still no fully-fledged methodology for approaching them systematically on pragmatic grounds. Taking the birch bark fragment NG 19, which has despite several efforts not yet received a satisfactory interpretation, we will try to apply insights from speech act theory to propose a new reading of this particular document. On the basis of a comparison of the existing interpretations, we will work out a model for judging the explanatory adequacy of competing interpretations by suggesting illocutive and perlocutive completeness of any translation, paraphrase or case reconstruction as a primary and indispensable criterion. As a byproduct it is hoped to provide a reinterpretation of NG 19, which is capable of dissolving the inconsistencies of earlier interpretations.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский, А. В. 1954: *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.)*, Москва 1954.
- Буров, В. А. 1979: *Заметки о новгородских берестяных грамотах*, «Советская археология», 1 (1979), с. 218-227.
- Гиппиус, А. А. 2004: *К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот*, в: *Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997-2000 гг.*, подготовили В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус, Москва 2004, с. 183-232.
- Жуковская, Л. П. 1959: *Новгородские берестяные грамоты*, Москва 1959.

- ЗАЛИЗНЯК, А. А. 1986: *Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот, в: Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977-1983 гг.*, подготовили В. Л. Янин, А. А. Зализняк, Москва 1986, с. 181-217.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А. 1987: *Текстовая структура древнерусских писем на бересте, в: Исследования по структуре текста*, под ред. Т. В. Цивьян, Москва 1987, с. 147-181.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А. 2004²: *Древненовгородский диалект*, Москва 2004 (2-е издание): Языки славянской культуры.
- ЛИХАЧЕВ, Д. С. 1957: *Рецензия на: Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.)*, Москва 1954, «Советская археология», 27 (1957), с. 324-332.
- ПСРЛ 4: *Плоное собрание русских летописей*, т. 4: *Новгородская и псковская летописи*, СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848.
- ЧЕРЕПНИН, Л. В. 1969: *Новгородские берестяные грамоты как исторический источник*, Москва 1969.
- ЯНИН, В. Л. / ЗАЛИЗНЯК, А. А. / ГИППИУС, А. А. 2015: *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001-2014 гг.)*, т. XII, Москва 2015.
- AUSTIN, J. L. 1962: *How to Do Things with Words*, Cambridge, MA: Harvard UP.
- VIBER, D. / CONRAD, S. 2009: *Register, Genre, and Style*, Cambridge: CUP.
- CLARK, HERBERT H. 1996: *Using Language*, Cambridge: CUP.
- COLLINS, D. E. 2001: *Reanimated Voices: Speech Reporting in a Historical-Pragmatic Perspective*, Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- COLLINS, D. E. 2011: *Reconstructing the pragmatics of a medieval marriage negotiation (Novgorod 955)*, «Russian Linguistics», 35 (2011), pp. 33-61.
- FLEISCHMANN, S. 1990: *Philology, linguistics, and the discourse of the medieval text*, «Speculum», 65 (1990), pp. 19-37.
- ГИППИУС, А. А. / СХАЕКЕН, J. 2011: *On direct speech and referential perspective in birchbark letters no. 5 from Tver' and no. 286 from Novgorod*, «Russian Linguistics», 35 (2011), pp. 13-32.
- JACOBS, A. / JUCKER, A. H. 1995: *The historical perspective in pragmatics*, in: *Historical Pragmatics: Pragmatic developments in the history of English*, ed. Andreas H. Jucker, Amsterdam 1995: John Benjamins, pp. 3-33.
- КЕМПГЕН, S. 2006: *“Boris an Anastasija: Schick' mir ein Hemd”. Ein textlinguistisch-pragmatischer Zugang zu den Birkenrinden Nr. 43 und 49*, in: *Studia philologica Slavica. Festschrift für Gerhard Birkfellner zum 65. Geburtstag*, vol. 1, ed. Bernhard Symanzik, Berlin: LIT, s. 283-300.
- LUBOTSKY, A. / VERMEER, W. 1998: *Observations on the longest birchbark letter (Novgorod 531)*, «Russian Linguistics», 22 (1998), pp. 143-164.
- MÜHLE, E. 1994: *Commerce and pragmatic literacy. The evidence of birchbark documents (from the mid-eleventh to the first quarter of the thirteenth century)*, in: *Medieval Russian Culture*, vol. 2, ed. Michael S. Flier & Daniel Rowland, Berkeley: University of California Press, pp. 75-92.
- RSA – GÜNTHER-HIELSCHER, K., GLÖTZNER, V., WILHELM SCHALLER, H. & KRAFT, E. 1995²: *Real- und Sachwörterbuch zum Altrussischen*, Wiesbaden: Harrassowitz.
- SCHAEKEN, JOS. 2011: *Don't shoot the messenger. A pragmaphilological approach to birchbark letter no. 497 from Novgorod*, «Russian Linguistics», 35 (2011), pp. 1-11.
- SCHAEKEN, JOS. 2012: *Stemmen op berkenbast. Berichten uit middeleeuws Rusland: Dagelijks leven en communicatie*, Leiden: Leiden University Press.
- TIMBERLAKE, A. 1974: *The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic*, München: Otto Sagner.